

К ПРОБЛЕМЕ ТОЖДЕСТВА МЫШЛЕНИЯ И БЫТИЯ

О. А. Панасенко

Воронежская государственная технологическая академия

Поступила в редакцию 10 ноября 2009 г.

Аннотация: *тождество мышления и бытия – суть предметов, способных стать зеркалом их представления.*

Ключевые слова: *бытие, идентификация, абсолют, наличие.*

Abstract: *identity of thinking and existence is the essence of objects which are capable of becoming the mirror of their idea.*

Key words: *existence, identification, absolute, presence.*

Проблема тождества мышления и бытия исключает свою трансформацию в вопрос о познаваемости мира или в вопрос о всякого рода соответствии сознания и вещей. Такая подмена вопроса имеет место там, где тождество мышления и бытия произвольно изымается из того контекста, где оно только и сохраняет свой исконный смысл. Реконструкция этого контекста – задача предлагаемой работы. В ней мы используем положения и результаты, представленные в нашей монографии «Рефлексия как абстракция условий наличия» [1].

Давно ставшее безотчетным сведение субъекта представления к человеку обязывает напомнить, что субъект представления – это сумма условий разумности в их целом, а вовсе не сам по себе результат персонификации этих условий, имеющий исторический характер. Так, в Средние века субъектом представления выступала вовсе не человеческая, а внемировая Личность, не говоря уже об античности, где таким субъектом выступал безличный космический Ум. Да и сам человек как персонификация субъекта представления – отнюдь не последнее слово классической философии, получившей свое завершение в Идее Гегеля. Исходя из этого, следует различать субъект представления, с одной стороны, и результаты его персонификации – с другой. Но дело в том, что эти персонификации как раз и становятся самостью субъекта представления, предметами его отношения к себе – зримым образом самой разумности, приходящей в них и при их посредстве к тождеству с собой и своему «есмь». В силу этого исходная достоверность представления заведомо предполагает персонификацию его субъекта, т.е. условий разумности, и не может иметь места в обход и помимо нее. Таким образом, своей самостью и собственным «есмь» субъект представления располагает лишь постольку,

поскольку он, будучи представляющим, идентифицирует себя с теми представляемыми предметами, бытие которых способно стать зеркалом его собственного бытия. Суть в том, что свое «есмь» и свою самость субъект представления обретает лишь посредством таких уникальных предметов. В результате они и становятся «тождеством мышления и бытия», т.е. тождеством их бытия и бытия их представления. Поэтому «тождество мышления и бытия» означает самость представляющего субъекта и загадку его «есмь».

Так какие же предметы могут выступать зеркалом их представления? Только те, сущностью которых является «само существование», т.е. голое бытие вещей, отвлеченное от них самих и им же противопоставленное. А это значит, что собственное «есмь» мышления обретается им в абстракции бытия вещей и при ее посредстве. В значении такой абстракции неизменно выступает исторический Абсолют философии, что и превращает его в начало самого мышления. Именно Абсолют, взятый как самость, есть «тождество мышления и бытия». В данном случае вопрос заключается не в том, что есть мышление, а в том, есть ли оно вообще, и если есть, то в чем обнаруживает себя исходный факт самого мышления. В этом случае «тождество первого понимания и бытия» (Плотин) – это вопрос о том, в чем «первое понимание» находит свое «первое бытие» – исходную достоверность самого себя. Основания идентификации мышления с Абсолютом есть главное содержание проблемы тождества мышления и бытия. Но почему разумность «полагает себя» именно в Абсолюте, в абстракции бытия вещей? В этом и заключается главная загадка самости.

Решение этой загадки предполагает ответ на вопрос о том, что такое Абсолют вообще, взятый как безусловное первоначало и самость мышления?

Требуемый ответ на этот вопрос должен, во-первых, объяснять происхождение Абсолюта как тако-

вого, во-вторых, ответ не может игнорировать Абсолют как тождество бытия и мышления. Он должен объяснять происхождение и природу самого этого тождества. Поэтому мы сразу исключаем традиционный фетишизм в понимании Абсолюта, который ставит Абсолют (Единое, Я, Идею) впереди всех вещей. Вопрос о происхождении Абсолюта здесь снимается, хотя тождество мышления и бытия признается неотъемлемым содержанием самой его сути, удостоверяющей Абсолют как всеобщее тождество вещей и самость мышления. Поскольку же логическим субъектом всех предикатов Абсолюта выступает его предметная внешность, вопросы о природе тождества мышления и бытия, выходящие за ее рамки, теряют всякий смысл. Предметное значение Абсолюта и есть здесь тождество мышления и бытия. На основании тех же требований нам придется исключить из рассмотрения и те представления о «земной основе» Абсолюта, к которым приводит антропологизм в его понимании. Антропологизм ставит «сущность человека» (здесь безразлично, в какой ее редакции) впереди Абсолюта [2]. При этом Абсолют теряет свою самодостаточность, обретает генеалогию и становится так или иначе зримым образом этой «сущности» и ее абстракцией. Однако никакие ссылки на «земную основу» и «сущность человека» не объясняют Абсолют как тождество мышления и бытия. Тем самым антропологизм оставляет суть Абсолюта в ведении фетишизма. Таким образом, ни фетишизм, ни антропологизм в понимании Абсолюта не решает его главную загадку. Другой же постановки проблемы Абсолюта-самости попросту не существует, если не считать крайний нигилизм в отношении Абсолюта, признающий его «основной ошибкой философии» [3]. Поэтому нам следует прямо заявить свою позицию по этому ключевому для нас вопросу.

Абсолют – это «чистое бытие, равное ничто». Тождество с собой – его сущность. Он – «тождество мышления и бытия». Он «сам через себя представляется и лишь благодаря себе есть». Он «объемлет собою все и все в себя вмещает, существуя независимо от всего». Он «ни от чего не отличается и ничему не тождественен». Эти характеристики Единого платоников приложимы, хотя и не всегда напрямую, к любому Абсолюту философии. Вместе взятые, они представляют собой загадку, которую действительно требуется разгадать. Что такое Абсолют, если он действительно голая абстракция бытия и ничто: «чистое бытие, равное ничто»? Если он – всеобщее тождество как таковое: «объемлет собою все», «ни от чего не отличается и ни чему не тождественен»? Если он самодостаточен: «существует независимо от всего», «заключает свои условия в себе самом» и «лишь

благодаря себе есть»? Если он идентичен способу его представления: «сам через себя представляется»? Если он – тождество с собой и самость: «тождество мышления и бытия»? Проводимый нами тезис сводится к тому, что Абсолют-самость есть не что иное, как всеобщий способ представления вещей, сама их осознанность, или сама их «представленность», получившая форму обособленного от них существования. Независимый, обособленный и отдельный Абсолют – это чистое наличие, или представление вообще, само ставшее представляемым. Он – абстракция наличия вещей. В самом деле, именно наличие, и только оно, объемлет собою все и все в себя вмещает и вместе с тем ни от чего не отличается, но и ни с чем не совпадает. Именно наличие, и только оно, может представляться посредством себя самого; и лишь наличие может распознать себя в таком же точно наличии, ставшем представляемым. Лишь наличие не может стать тем, что не есть оно само. Лишь наличие, не отличаясь ни от чего, не может иметь условия, отличные от него самого. Лишь оно, не совпадая ни с чем, есть ничто. И лишь оно, являясь тождеством представляемого содержания, есть бытие вообще – чистое бытие. Таким образом, загадка Абсолюта находит свое решение в том, что он – абстракция определений наличия и его условий. Если так, то чистое бытие, ничто и тождество с собой, принадлежащие сущности Абсолюта, есть определения самого наличия. Абсолют – абстракция этих определений.

Абсолют, потерявший былую самодостаточность и ставший обособленным наличием вещей, может иметь место лишь в рамках вполне определенной онтологии разумной формы. Мы исходим из того, что никакой разумности нет и быть не может в обход и помимо наличия вообще. Отсюда всеобщей формой разумности, ее единым лоном и общим знаменателем выступает наличие как таковое. Исходя из этого, проблему разумности и ее условий мы ставим как проблему всеобщей формы наличия. Ни натурализм, сводящий разумность к свойствам, функциям и отношениям вещей, ни антропологизм, помещающий ее в пространство так или иначе понятого человека, ни фетишизм, объявляющий разумность атрибутом или ипостасью привилегированных предметных форм (Единое, Я, Идея), не решают проблему природы и условий разумной формы как таковой. Именно потому, что сами являются порождением ее собственной онтологии, постольку не могут располагать образом ее условий в их чистом виде и их целом. Между тем разумность как таковая, взятая в ее целом, есть всеобщая форма наличия. Ее образует иерархическая последовательность трех всеобщих способов представления вещей (форм наличия).

Сохраняя единство своей природы, они отличаются друг от друга теми условиями, в силу которых одни из них (последующие) могут сообщать наличие другим (предыдущим). Каждый предыдущий способ представления обретает в рамках последующего версии своего наличия. Причем одной из таких версий всегда становится абстракция предыдущего способа представления вместе с его условиями. Любой всеобщий способ представления предшествует своей абстракции и выступает обособленно лишь в рамках последующих измерений наличия. Каждому такому измерению соответствует точка зрения его условий.

Данность вещей образует исходный пункт. За ней следует измерение, в котором представлена сама данность вещей. Замыкающим идет измерение, в котором обретают свое наличие оба предыдущих способа представления. В терминах этой онтологии, сознание, вторая после данности форма наличия, есть способ представления данности вещей и самих вещей посредством версий наличия их данности. Сознание, определяемое таким образом, и есть Абсолют, взятый в его исходном значении – в значении всеобщего способа представления. Абстракцией данности и ее условий в рамках Абсолюта выступает форма данности. Остается последнее измерение наличия – место и сфера рефлексии, т.е. представления самого сознания. Его мы, прибегая к словарю философии, будем называть Субъектом. Субъект, условия которого образуют точку зрения рефлексии, – это прежде всего способ представления сознания вещей, а также самих вещей и их данности посредством версий наличия их сознания. Абстракцией сознания и его условий в рамках Субъекта выступает форма сознания, которую рефлексия принимает так или иначе за свой Абсолют-самость и всеобщее первоначало. Такая номенклатура сохраняет за Абсолютом статус «чистой формы сознания», но при этом исключает фетишизм в его понимании. В самом деле, Абсолют не допускает сведения к своей абстракции, точнее – к привилегированной предметной форме, которая становится теперь версией его наличия в рамках онтологии Субъекта.

Обособленный Абсолют потому и выступает самостью рефлексии, что он такой же по сути своей способ представления, как и она сама. Абсолют и способ его представления, Субъект, – это разные формы наличия вещей, совпадающие по своим определениям. Эта их идентичность является условием и содержанием феномена самости. В значении самости выступают абстракции предыдущих способов представления, обретающие свое наличие в

рамках онтологии последующих. Эти абстракции и становятся зеркалом той точки зрения, основу которой образуют условия их наличия. Суть феномена самости заключается, таким образом, в том, что точка зрения одного всеобщего способа представления приходит к тождеству с собой (находит себя) в наличной абстракции другого. В результате чистое бытие Абсолюта становится исходным «есмь» его мышления, что и превращает Абсолют в «тождество мышления и бытия».

Из сказанного вытекает, во-первых, что в рамках данности вещей никакой самости быть не может, во-вторых, что способ представления, который сообщает наличие и данности вещей, и их сознанию, по необходимости располагает, как минимум, двумя самостями. Поэтому то обстоятельство, что философия располагает различием конечной и бесконечной самости (Я и Идея), прямо указывает на вполне определенный способ представления, условия которого образуют ее точку зрения, а именно на Субъект.

Различные измерения наличия, сохраняя единство своей природы, отличаются друг от друга теми условиями, в силу которых одни из них сообщают наличие другим. Отсюда любая самость субъекта представления, совпадая с ним по определениям наличия, отличается от него по тем условиям, которые делают возможным ее собственное наличие. С точки зрения этих условий, рефлексия, с одной стороны, и ее наличный Абсолют – с другой, не одно и то же. Поэтому никакая наличная самость не решает проблему представления условий Субъекта.

Итак, тождество мышления и бытия подразумевает не их гносеологическое соответствие. Оно имеет значение и силу там, где вопрос стоит о сути представления вообще и статусе тех предметов, с определениями которых разумность себя идентифицирует, обретая в них и при их посредстве свое «есмь» и свою «самодостоверность». Тождество мышления и бытия выступает сущностью уникальных предметно-смысловых образований, способных быть самостью субъекта представления. И хотя загадка таких предметов находит свое решение в признании их абстракциями условий и определений наличия вещей, проблема всеобщей формы наличия сохраняет свое значение. Ее решение предполагает признание того, что общим условием и источником всех форм наличия выступают не сами вещи и не внешнее им начало, а всеобщая отрицательность вещей, образующая измерение их собственного всеобщего тождества [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Панасенко О. А. Рефлексия как абстракция условий наличия / О. А. Панасенко. – Воронеж, 2009. – 148 с.
2. Фейербах Л. Сущность христианства / Л. Фейербах. – М. : Мысль, 1965. – 414 с.

3. Хоцей А. С. Основная ошибка философии. Детерминизм и свобода воли. Замечания по поводу взглядов Томаса Куна / А. С. Хоцей. – Казань : Изд-во «Дом печати», 2003. – 720 с.

Воронежская государственная технологическая академия

Панасенко О. А., старший преподаватель кафедры философии

E-mail: panasenko_oleg@mail.ru

Тел.: 8-908-142-12-10

Voronezh State Technological Academy

Panasenko O. A., Senior Lecturer, Department of Philosophy

E-mail: panasenko_oleg@mail.ru

Tel.: 8-908-142-12-10